

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ВДИ № 4, 1957, стр. 3—18 напечатана статья акад. В. В. Струве «Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского». Статья эта имеет не столько исследовательский, сколько полемический характер и специально направлена против некоторых соображений, попутно высказанных И. М. Дьяконовым в связи с этим документом в статье «О площади и составе населения шумерского «города-государства» (ВДИ, 1956, № 2). К этой полемике без всякого основания привлечено и мое имя, причем автор позволяет себе недопустимые по тону и неуважительные замечания по моему адресу.

В моей книге «Государственное хозяйство древнего Шумера» документ Ник., I, 19 упоминается три раза, — на стр. 143 в числе примеров документов «чисто демографического характера» и в ссылках на стр. 159 и 166.

Привожу дословно сказанное на стр. 143, так как это место послужило поводом для полемических выпадов против меня: «Наконец, к этому же типу документов относится документ, содержащий перепись членов нескольких семейств, причем в списки людей, принадлежащих Бау, отнесены одинаково и взрослые члены семей (в том числе отцы и вдовы умерших глав семьи, возглавлявшие осиротевшие семьи), и малолетние, и принадлежащие этим семьям рабы и рабыни (см. Ник., I, 19)». Из взятого в скобки места ясно, что к числу взрослых членов семей я отношу, с одной стороны, с отцов, оставшихся в живых, с другой — вдов, возглавивших осиротевшие семьи. Выхватив из приведенного контекста слова, заключенные в скобки, и распространив причастный оборот «возглавившие осиротевшие семьи» со вдов также и на отцов, акад. В. В. Струве и получил приписываемую мне мнимую «интерпретацию», которую он тут же критикует, как «весьма маловероятную» и «невозможную» (стр. 6). Между тем, еще 23 июня 1957 г., при публичном обсуждении доклада, легшего в основу статьи акад. В. В. Струве, я обращал его внимание на неправильность такого толкования цитированного места моей книги, а также на то, что никакой интерпретации документа я в этом месте не даю. Несмотря на это, акад. В. В. Струве все же счел возможным повторить заведомо неправильное понимание моего текста в своей печатной статье.

В двух других местах моей книги имеются лишь ссылки на документ Ник., I, 19 — в одном случае как на пример употребления термина егѐ в отношении частных рабов (стр. 159, прим. 1), во втором — как на свидетельство состоятельности семейств, поскольку они обладали рабами и рабынями (стр. 166).

Таким образом, из приведенных мест с упоминанием документа Ник., I, 19 для всякого непредубежденного читателя должно быть ясно, что никакой «интерпретации», и тем более «концепции», на основании этого документа в моей книге не дается.

Столь же преднамеренны и другие критические замечания по моему адресу. Так, мне ставится в упрек невнимательное отношение к источникам: на стр. 14, прим. 64 акад. В. В. Струве приписывает мне «утверждение... что имя Несаг не упоминается в общих списках»; при этом акад. В. В. Струве указывает на документы DP, 171, 177 и 191, в которых имя Несаг упоминается и которые мне были известны. Но на стр. 164 моей книги, на которую при этом делается ссылка, имя Несаг мной вообще не упоминается и лишь в прим. 5 в безличной форме указывается, что имена рыбаков (к числу которых принадлежал и интересующий акад. В. В. Струве Несаг) в общих списках не повторяются. Однако, как видно из контекста, под общими списками в данном случае я имел в виду только документы со списком лиц, и о л и ч а ю щ и х н а т у р а л ь н о е (пищевое) д о в о л ь с т в и е (документы эти перечислены в моей книге на стр. 144, прим. 1); документы же, указываемые в статье акад. В. В. Струве, к числу списков этого рода не принадлежат. К тому же следует заметить, что и в самом документе Ник., I, 19 рыбак Несаг вовсе не упомянут (в тексте читается Ne—kuš).

Этим не исчерпываются те натяжки, которые допускает акад. В. В. Струве в своих нападках на меня. Так, на стр. 16 и в прим. 73 акад. В. В. Струве обвиняет меня в неучете исторической обстановки, сложившейся в период, когда составлялись рассматри-

ваемые мной хозяйственные документы (имеется в виду внешнеполитическая, а именно военная ситуация). При этом автор замечает, что «никто ведь не мог бы дать положительную оценку труду, посвященному государственному хозяйству Афин второй половины V в. до н. э. и не учитывающему самым внимательным образом события Пелопоннесской войны». Такая аналогия с Пелопоннесской войной ввиду глубокого различия исторических условий, как и масштаба самих событий, лишена основания и в данном случае неуместна. Что же касается влияния на экономику Лагаша военной обстановки последних лет правления Урукагины, то в той мере, в какой это влияние нашло отражение в хозяйственных документах, оно было мною соответствующим образом учтено (см. например, стр. 164 моей монографии). Производить же специальное исследование военной истории города Лагаша, тем более столь малозначительных эпизодов, которые составляют предмет статьи акад. В. В. Струве, не могло входить в мою задачу изучения государственного хозяйства древнего Шумера.

На стр. 6—7 своей статьи акад. В. В. Струве пишет, что «для акад. А. И. Тюменева все без исключения лица, входившие в состав поименного перечня текста Ник., I, 19, остались пустыми именами, лишенными плоти и крови». Каким образом я должен придать плоть и кровь лицам, поименно вовсе в моей книге не упоминавшимся, остается загадкой. В книге, где привлечены тысячи документов, содержащих десятки тысяч собственных имен, ставить подобную задачу автору — значит превосходить все возможные пределы придирчивых требований. Наконец, акад. В. В. Струве делает еще один выпад против меня, не имеющий уже никакого отношения к предмету его статьи. Именно, он утверждает, что в моей работе имеются «примеры забвения не только историко-филологической, но и простой исторической методике». Поводом для этого замечания является то обстоятельство, что мною не был сделан вывод, который можно было извлечь из одного архивного документа храма Бау (из числа нескольких тысяч), и отсюда произведен неправильный подсчет одной из категорий работников храма Нингирсу. Полагаю, что подобный просчет не дает никакого основания для огульного опорочивания применяемой мною методики.

В заключение замечу, что научная полемика может быть полезной и плодотворной лишь в том случае, если она преследует цели установления истины и ведется в объективном, достойном ученого, тоне. Полемика же, предпринимаемая без достаточного и тем более без всякого основания с единственной целью опорочения оппонента, может принести только вред делу научного исследования.

Акад. А. Тюменев

ПАМЯТИ ИСИДОРА МИХАЙЛОВИЧА ЛУРЬЕ

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 26 января 1958 г. на 55 году жизни скончался профессор Исидор Михайлович Лурье — известный египтолог, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Эрмитажа.

Общественная жизнь И. М. Лурье началась очень рано: еще в школьные годы, в 1919 г. он вступает в члены Коммунистического союза молодежи и в 1920 г. становится инструктором одного из Харьковских райкомов комсомола, а затем, во время оккупации Харькова белыми войсками, ведет там подпольную комсомольскую работу. В 1921 г., получив назначение на должность инструктора ЦК РСМ Белоруссии, И. М. Лурье переезжает в Минск, где в 1922 г. поступает в университет. В связи со своими занятиями по древнеегипетскому языку в 1923 г. И. М. Лурье переходит из Минского в Ленинградский университет на факультет общественных наук, который заканчивает в 1925 г. Товарищи по учебе и работе сохранили в памяти светлый